

**РУССКИЕ ПАРЕМИИ:
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

Т.Е. Владимирова

Статья посвящена паремиям, которые возникли на основе концепта «суд» и связанных с ним понятий. Экзистенциально-онтологическая призма рассмотрения этих пословиц на фоне восточнославянской паремической картины мира позволила раскрыть выраженное в них понимание сущности, которое характерно для русской языковой личности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: паремия, концепт, сознание, сущность, языковая личность, восточнославянский, экзистенциально-онтологический

ВЛАДИМИРОВА Татьяна Евгеньевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры межкультурной коммуникации Института русского языка и культуры Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. yusvlad@rambler.ru

Цитирование: Владимирова Т.Е. Русские паремии: экзистенциально-онтологический подход [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2021, № 1. – С. 1–11. Режим доступа: www.tverlingua.ru

RUSSIAN PAREMIES: EXISTENTIAL-ONTOLOGICAL APPROACH

Tatiana E. Vladimirova

The article is devoted to Russian paremias, which arose on the basis of the concept «суд» and related concepts. The existential-ontological prism of considering these proverbs against the background of the East Slavic paremic picture of the world made it possible to reveal the understanding of the essence expressed in them, which is characteristic of the Russian linguistic personality.

KEY WORDS: paremia, concept, consciousness, essence, linguistic personality, East Slavic, existential-ontological

VLADIMIROVA Tatiana E. – DSc in Philology, Professor, Docent of the department of intercultural communication of the Institute of Russian language and culture of Lomonosov Moscow State University, Professor of the department of Russian language and intercultural communication of faculty of Humanities and Social sciences of the Peoples' Friendship University of Russia. yusvlad@rambler.ru

Citation: Vladimirova T.E. Russian paremias: existential-ontological approach [Electronic resource] // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2021, № 1. – P. 1–11. Access mode: www.tverlingua.ru

Знаковая природа языка как синкретичного выражения чувств, интуиции и рационального постижения окружающей реальности изначально впитывала в себя культурно обусловленные представления и установки. Это объясняется тем, что в формировании языкового образа мира участвуют не только рефлексивная и бытийная (экзистенциальная) составляющие сознания, но и духовная (Зинченко, 2010: 111).

Действительно, удваивая открывающийся человеку мир, язык приобретают экзистенциальное и духовное измерения. Поэтому изучение языка, речи и дискурса привело к объединению филологии с психологией и философией, что способствовало сначала становлению металингвистики (М.М. Бахтин), а позднее – этнопсихолингвистики (А.А. Леонтьев), лингвистической онтологии (А.В. Бондаренко), экзистенциальной лингвистики (Б.М. Гаспаров, В.А. Курдюмов) и теолингвистики (В.И. Постовалова).

В центре внимания настоящей статьи русская паремическая картина мира, которая рассматривается через призму онтологии как учения о бытии и его сущностных основах с целью раскрытия экзистенциального опыта «русской народной личности» (Н.С. Трубецкой). Исследовательский интерес к «картине мира, сущностно понятой» (М.Л. Макаров), делает актуальным

обращение к паремии, которая «многими особенностями своей речевой реализации обязана именно сочетанию свойств мини-текста со “свёрнутой” смысловой структурой и единицы дискурса, способствующей смыслообразованию в его пространстве» (Антонова и др., 2020: 82). Ведь в пословицах, укорененных в сознании, «сущее глядит на человека, раскрывая себя и собирая его для пребывания в себе» (Хайдеггер, 1993: 50).

При таком понимании экзистенциально-онтологический ракурс рассмотрения паремий позволяет, опираясь на их исследования в рамках лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, приблизиться к более полному осмыслению «онтологической реальности» (Г.П. Щедровицкий), которая обусловила самобытность русской языковой личности.

Здесь мы имеем в виду работы Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюновой, А. Вежицкой, С.Г. Воркачева, А.А. Залевской, И.К. Зыковой, В.И. Карасика, И.М. Кобозевой, М.Л. Ковшовой, В.В. Колесова, Е.С. Кубряковой, В.А. Масловой, В.М. Мокиенко, М.В. Пименовой, З.Д. Поповой, В.И. Постоваловой, Ю.Е. Прохорова, Т.Б. Радбиля, Е.И. Селиверстовой, Ю.С. Степанова, И.А. Стернина, В.Н. Телия, Л.О. Чернейко и А.Д. Шмелева, сопряженные с данной проблематикой. Значительный вклад в изучение паремий внесли также исследования творческого наследия русских писателей, предпринятые Н.Н. Захаровой (В.М. Шукшин), В.В. Леденевой (Н.С. Лесков), О.В. Ломакиной (Л.Н. Толстой), А.Г. Ломовым (А.Н. Островский), Н.Г. Михальчук (М.А. Булгаков), М.В. Ореховой (Б. Зайцев), Р.Н. Поповой (И.А. Гончаров), А. Романова (А.С. Пушкин), Л.Б. Савенковой (М.А. Шолохов), Е.А. Федоркина (Е.И. Носов) и др.

В рамках данной работы ограничимся раскрытием своеобразия русских пословиц, которые сформировались на основе экзистенциальных концептов, восходящих к архаичным представлениям о бытии. Особый исследовательский интерес вызывает **общеславянский концепт «суд»** (*sǫdъ), который возник в результате сложения индоевропейской приставки *som- ‘с, от, в продолжение’ и корня *dhē- ‘устанавливать в бытии (о богах)’

(Бенвенист, 1970: 229). Присутствие в семантике концепта «суд» семы подчиненности божественным силам изначально задавал высокий уровень экзистенциальной напряженности.

Так, унаследовав почитание Первопредка (индоевроп. культ *Hord^hu-), славяне относились к своему бытию как полностью predeterminedенному всеильным Родом (общеслав. *rodъ). Согласно дошедшему до нас русинскому преданию, Род создал из земли первых людей. Когда же они прогневили своего творца, **Род-Отец как верховный судья** отправил их в преисподню. Тогда же он сотворил Карпаты, которые закрыли подземный мир, *шоб нэ вэлиз Тато-Яма, А з нэм и Пэрва Мама* (Иванов, 2006).

В миропонимании древних русичей Род «сядя на воздухе мечеть на землю груды и в том ражаются дети» (цит. по: Рыбаков, 1981: 449-450). Судьбу же им нарекают Рожаницы, и она записывается в книгу Рода. Вера во всеильного Рода оставалась «довольно грозной еще общественной силой» и после Крещения Руси (Комарович, 1960: 103). Что же касается идеи единства живых и умерших родичей, то она существовала до конца XIII в., а почитание Рожаниц сохранялось в женской среде на русском севере еще в начале XX в.

Приведем русские, белорусские, русинские и украинские пословицы и фразеологизмы, обращая внимание на их образно-смысловую и лексико-грамматическую общность, а также на свойственную им целостность восточнославянской ментальности, которая сформировалась в силу унаследованных сущностных представлений и правил, что были «установлены в бытии» Родом:

- *Так ему на роду написано* (русс.); *Так яму на родзе напісана* (белор.); *Так му на роду написано* (русин.); *Так йому на роду написано* (украин.);
- *Кто на что родился* (русс.); *Хто на што нарадзіўся* (белор.); *Кого наішто Бог дав* (русин.); *Хто для чого народився* (украин.);

- *Таким уродился* (русск.); *Такім ўрадзіўся* (белор.); *Такий є, удколи ся нащадив* (русин.); *Таким народився* (украин.).

Что же касается экзистенциального концепта **«судьба»** (*sǫdьba), восходящего к базовому понятию «суд», то он возник существенно позже, в процессе распада родовых связей и отношений. Примечательным является и тот факт, что лексема *судьба* в древнерусском языке чаще всего имела значение ‘суд’, ‘судилище’, ‘правосудие’ и ‘приговор’ (Черных, 1993: 216). Так, в «Слове о полку Игореве», повествующем о судьбе «русской земли» и ее князей, концепт «судьба» отсутствует, но в различных контекстах используется концепт **«суд»** и восходящие к нему понятия, включая **«суд Божий»**: *Бориса же Вячеславличя слава на судъ приведе; «Ни хытру, ни горазду, ни пытьцю горазду суда Божія не минути!»* и др.

По мере распространения православного миропонимания концепт **«судьба»** утвердился в древнерусском сознании как «участь, предназначенная человеку от Бога» (Дьяченко, 1993: 688). Тогда же возникли такие экзистенциальные концепты, как **«Страшный суд»**, **«Судный день»**, а позднее **«суд совести»** и **«совестные суды»**. Со временем экзистенциальная семантика концепта «судьба» расширила свой потенциал и включила сему ‘предопределение’ как ‘независящий от человека ход событий’ (Чернышев, 1965: 1163). Но восприятие судьбы не только по-прежнему ассоциировалось с Высшим Судом, но и сохранилось в дальнейшем.

Что же касается других восточнославянских языков, то концепт «судьба» был вытеснен в белорусском языке концептом «лѣс», а в украинском – концептом «приречення», в которых связь с первокорнем «суд» отсутствует. Кроме того, во все языки вошел концепт «доля», восходящий к общеславянскому глаголу *deliti ‘делить’, и синонимичный более древнему понятию «судьба». Таким образом, возникшие позднее концепты «лѣс», «приречення» и «доля» уже не передавали экзистенциальную напряженность и «эмотивность» (В.И. Шаховский) жестко регламентированного бытия, которые изначально присутствовали в концептах «суд» и «судьба».

Приведем восточнославянские «народные афоризмы» (В.И. Даль) о судьбе, отмечая их образно-смысловую и лексико-грамматическую общность, а также достаточно пессимистичное отношение к бытию:

- *Такова судьба, так уж суждено* (русск.); *Такі яго лёс* (белор.); *Так му было суджэно* (русин.); *Така його доля* (украин.);
- *Чему быть, того не миновать* (русск.); *Што будзе суджана, тое не будзе адгуджана* (белор.); *Што мае быти – то ся стане* (русин.); *Чому бути, того не минути* (украин.).
- *Чего человек хочет, о том и судьба хлопочет* (русск.); *Лёс і чалавек ядуць з адной міскі* (белор.); *Доля из єдної миски ість из чоловіком* (русин.); *Доля і людина їдять з адной миски* (украин.).

Параллельно обратим внимание на следующий факт. Во всех восточнославянских языках лексема *суд* позднее стала использоваться для называния специального органа, в котором рассматривались гражданские и уголовные дела. В качестве иллюстрации приведем пословицы, в которых экзистенциальная семантика, изначально присутствовавшая в словесно-концепте «суд», уступила место его прагматической направленности:

- *Нет жалобы – и суда нет* (русск.); *Як няма, дык няма* (белор.); *Де неє жалобы, там неє и суда* (русин.); *Нема скарги – і суда нема* (украин.);
- *Где суд, там и неправда* (русск.); *На рынку долі не купіш, а ў судзе праўды не знойдзеши* (белор.); *Ко нич не має, нікого и не знає* (русин.); *Правда суду не боїться* (украин.);
- *Пока суд да дело* (русск.); *Пакуль суд ды справа* (белор.); *Докіль што куда (якого)* (русин.); *Поки суд та діло* (украин.).

Значительный исследовательский интерес представляет концепт «суд совести» как присутствующий в православном сознании «голос Божий, показывающий ведение (отсюда со-весть) воли Божией относительно того, что должно и чего не должно делать человеку, как разумно-нравственному существу» (Дьяченко, 1993: 629). Обращает на себя внимание и тот факт, что со временем это православное понятие не только не утратило своего

начального потенциала, но стало воплощением сущностных представлений русской языковой личности и ее искомого бытия. В этой связи сошлемся на Даниила Гранина, который писал, что судьба подчиняется «требованиям совести, ее суду, ее приговору» и что «только согласие с совестью дает удовлетворение в итоге этой жизни» (Гранин, 2008: 38, 41).

Вместе с тем каждое поколение строит свой образ мира с присущим ему пониманием сущего и сущности. Так, «демократизация пословичного жанра» в годы перестройки привела к вхождению в унаследованный образно-смысловой континуум паремий ироничных, а порой уничижительных и вульгарных «переделок, «перелицовок», «приколов» и антипословиц (Вальтер, Мокиенко, 2006: 4). Анализируя развернувшийся процесс переосмысления традиционных культурных ценностей и «невероятное сопротивление очевидным истинам», О.И. Седакова объясняет его «реакцией на опыт двадцатого века: на догматизм, массовую “пассионарность”, идеологичность, на “великие и единственные истины”» (Седакова, 2011: 153).

Приведем «переделки» и «приколы» к следующим русским пословицам:

- *Кто рано встает, тому Бог подает / тому и тапочки / того и сапоги / тот больше имеет / тот больше пожрет* и др.;
- *На Бога надейся, а сам не плошай // На гороскоп надейся, а сам не плошай / На дядю надейся, а сам не плошай / На как-нибудь надейся, а сам не плошай! / На слово директора надейся, а сам не плошай / На лоха надейся, да и сам не плошай / На Европу надейся... .*

Тем не менее полный перечень антипословиц о судьбе свидетельствует об определенной сдержанности, за которой, как представляется, кроются ценности, унаследованные вместе с паремической картиной мира и бытия, и, значит, по-прежнему «сущее глядит на человека» (М. Хайдеггер):

- *Одним судьба улыбается, другим гримасничает;*
- *Улыбайся, и судьба тебе улыбнется;*

- *Собираясь в поход, обращай взор свой на товарища, тем обезопасишь голову от неизбежных ударов судьбы;*
- *Человек сам выбирает свою судьбу из той единственной, что ему досталась* (Вальтер, Мокиенко, 2006: 42-43; 468).

Таким образом, сакральное мировосприятие, в котором формировались языковая и паремическая картины мира, предопределило не только акцентуацию сущего в русском языковом сознании, но и его сохранность в духовной культуре носителей языка. При этом экзистенциальные концепты наполнялись личностным опытом бытия и отношения к Высшим ценностям.

В итоге паремическая картина мира приобрела свойства экзистенциально-онтологического поля как развивающейся, смыслогенерирующей целостности, в которой находит выражение опыт бытия, накопленный русской языковой личностью.

При таком понимании экзистенциально-онтологический поход к изучению паремического наследия дополняет его лингвокультурологический и лингвокогнитивный анализ благодаря вниманию к «онтологической реальности», которая обусловила самобытность русской языковой личности с характерным для нее отношением к сущему и сущности.

Источники – Primary Sources

Вальтер, Мокиенко, 2005 – *Вальтер Х., Мокиенко В.М.* Антипословицы русского языка. – СПб.: Издательский Дом «Нева», 2005. – 576 с.

Дьяченко, 1993 – *Дьяченко Г.* Полный церковно-славянский словарь. – М.: Издат. отдел Москов. Патриархата, 1993. – 1121 с.

Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010 – *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К.* Большой словарь русских пословиц. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.

Поп, 2011 – *Поп Д.* Русинско-украинско-русский и русско-русинско-украинский фразеологические словари. – Ужгород: [б/и], 2011. – 241 с.

Санько, 1991 – *Санько З.Ф.* Краткий русско-белорусский словарь пословиц, поговорок и фразем. – Минск: Навука І тэхніка, 1991. – 245 с.

Черных, 1993 – *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь русского языка. – М.: Русский язык. 1993. Т 2. – 560 с.

Чернышев, 1965 – *Чернышев В.И.* (ред.) Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 14. – М.–Л.: Наука, 1965. – 1390 с.

Ссылки – References in Russian

Антонова, Бредис, 2020 – *Антонова Е.Н., Бредис М.А., Владимирова Т.Е., Гишкаева Л.Н., Иванов Е.Е.* и др. Паремология без границ. Под ред. М.А. Бредиса, О.В. Ломакиной. – М.: РУДН, 2020. – 244 с.

Бенвенист, 1970 – *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. – М.: Прогресс-Универс, 1970. – 456 с.

Гранин, 2008 – *Гранин Д.А.* Причуды моей памяти. – М.–СПб.: Центрполиграф, 2008. – 441 с.

Зинченко, 2010 – *Зинченко В.П.* Сознание и творческий акт. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 592 с.

Иванов, 2006 – *Иванов Ю.В.* Мифологические параллели в повести Н.В. Гоголя «Страшная месть» и в преданиях русинов Севера Молдавии // «Золотой Лев», 2006, № 97–98 (URL: <http://forum.bolesmir.ru/viewtopic.php?f=14&t=273>).

Комарович, 1960 – *Комарович В.Л.* Культ Рода и земли в княжеской среде XI – XII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. – М.–Л.: Изд-во АН СССР. Т. XVI. – 1960. – С. 84–104.

Рыбаков, 1981 – *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981. – 607 с.

Седакова, 2011 – *Седакова О.А.* Апология разума. – М.: Русский путь, 2011. – 160 с.

Хайдеггер, 1998 – *Хайдеггер М.* Прологомены к истории понятия времени. Курс лекций. – Томск: «Водолей», 1998. – 384 с.

References

- Antonova, E.N., Bredis, M.A., Vladimirova, T.E., Gishkayeva, L.N., Ivanov, Ye.Ye. and other (2020) *Paremiology without borders*. Ed. M.A. Bredis, O.V. Lomakina, Moscow, RUDN, 2020. 244 p. (in Russian)
- Benvenist, E. (1970) *Dictionary of Indo-European social terms*, Moscow, Progress-Univers, 456 p. (in Russian).
- Chernykh, P.Ia. (1993) *Historical and etymological dictionary of the Russian language*. Moscow: Russkii iazyk. V. 2. 560 p. (in Russian)
- Chernyshev, V.I. (ed.) (1965) *Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 vols, V. 14*, Moscow Leningrad, Nauka, 1390 p. (in Russian).
- Dyachenko, G. (1993) *Complete Church Slavonic Dictionary*, Moscow, Izdat. department of Paganism of the ancient Slavs, 1121 p. (in Russian)
- Granin, D.A. (2008) *The quirks of my memory*. Moscow–St.Peterburg, Tsentrpoligraf, 441 p. (in Russian)
- Heidegger, M. (1998) *Prolegomena to the history of the concept of time. Lecture course*, Tomsk, «Vololey», 384 p. (in Russian)
- Ivanov, Ju.V. (2007) *Mythological parallels in the story N.V. Gogol "terrible revenge" and in the legends of the Rusins of the North of Moldova* (URL: <http://forum.bolesmir.ru/viewtopic.php?f=14&t=273>) i. (n Russian)
- Komarovich, V.L. (1960) *The cult of the clan and land in the princely environment of the XI–XII centuries // Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Moscow–Leningrad, Izd-vo AN SSSR, V. XVI, pp. 84–104. (in Russian).
- Mokienko, V.M., Nikitina, T.G., Nikolaeva, E.K. (2010) *Large dictionary of Russian proverbs*, Moscow, ZAO OLMA Media Grupp, 1024 p. (in Russian).
- Pop, D. (2011) *Russian-Ukrainian-Russian and Russian-Russian-Ukrainian phrasebooks*, Uzhgorod, 241 p. (in Russian)
- Rybakov, B.A. (1981) *Paganism of the ancient Slavs*, Moscow, Nauka, 607 p. (in Russian)

Sanko, Z.F. (1991) *A brief Russian-Belarusian dictionary of proverbs, sayings and phrases*, Minsk, Navuka I tekhnika, 245 p. (in Russian)

Sedakova, O.A. (2011) *Apologi mind*, Moscow, Russkiy put, 160 p. (in Russian)

Valter, H., Mokiyeiko, V.M. (2005) *Anti-words of the Russian language*, St.Peterburg, Izdatelskiy Dom «Neva», 576 p. (in Russian).

Zinchenko, V.P. (2010) *Consciousness as a creative act*, Moscow, YAzyki slavyanskih kul'tur. 592 p. (in Russian)